

Песня о живом кургане Азах.

Антон Соронин.

Необ'ятны земли сибирские, степи неохватные, степи тихие киргизские, не степи, а море изумрудное, ширь-океан. А если прислушаться к голосу шаманов, самых старых, уходящих уже в небытие, то говорят они:

— Там, где теперь степи зеленые с темносиними глазами—соляными озерами, прежде было голубое море-океан и в бури это море было черно-синим с белой пеной на огромных валах. Киргизы показывают в соляных озерах водяных блох—маленьких, красных, похожих на морских коньков—это от прежнего моря. По берегам озер и речушек—большие белые толстые раковины—это тоже от прежнего моря. По мягким зеленым берегам рек Урала и Ишима, неуклюже шевеля клешнями, копошатся у падали раки—это тоже от старого моря. В степных озерах колючие черные орехи-рогульки тоже от старого ушедшего. Белые быстрые чайки с тоскливым криком носятся по степным озерам, и большие серые мартыны тоскуют о старом море. И там, где прежде ветер играл черносиними морскими валами, теперь тот же старый ветер играет валами серебристого ковыля, а в степях Бекпалы ветер с тоски играет песчинками золотого песка. Тихие степи киргизские, кто устал душой от городского шума—сюда, в тихие земли сибирские. Тишина...

В степях неохватных, мерно колыхаясь, как корабли, гуськом, один за одним идут верблюды, отчетливые на темно-синем небе. Краски степи нежны—глаза ласкают теплыми зелеными, желтыми, серебряными тонами, только ярки темносиние озера, как камни сапфира в изумрудной оправе степей, ярки рубиновые закаты на бирюзовом небе. Дети степи—киргизы любят поэтому украшать свои юрты синими и красными причудливыми узорами, и эти цвета особенно ярки на цветочнобелой кошме, чиевые перегородки расшиты такими же яркими шелками из далекой Бухары и Хивы.

По гладкой и ровной Теренгульской степи, величиной с германскую землю, брошена желтая телеграфная лента—это дорога в Павлодар. Воткнуты спички—это телеграфные столбы, такие смешные и ненужные здесь в степи. На столбах иногда отдыхают большие коричневые беркуты, степные орлы, словно для их отдыха поставлены эти столбы.

И в жар, когда солнце лучами целует каждую травку, на столбах сидят беркуты, раскрыв клюв и устало опустив крылья. Жаркий степной воздух любит иногда пошутить и увеличивает отдаленный столб, и тогда столб кажется огромной сосной. На маленькой кочке кобчик кажется в

рост человека. А в особенно жаркие дни, когда лучи солнца выпивают зелень степей, степной воздух показывает перевернутый город в голубом небе, и зоркий глаз киргиза, словно сделанный на заказ на оптическом заводе Цейса, видит даже перевернутых маленьких мурашей-людей в этом городе миража. Степь, словно золотая монета, и начеканены аулы, иногда киргизские памятники на могилах и большие курганы.

В степи так много больших курганов, что певцы поют только о самых больших, около которых большие озера от вынутой земли для кургана. И можно узнать, за какие заслуги построен курган, и городские люди часто спрашивают о курганах, о каменных бабах, что стоят часовыми у курганов со сложенными, как у Будды, руками и с загадочными круглыми глазами. Кажется, что эти камни живы и думают какую-то одну и ту же мысль, и мысль эта—в степях киргизских.

Люди пригоняли толпы людей с лопатами и разрывали курганы.

Когда разрывали курган Камыр, Алимжан сказал:

— Много этот курган людей задавил и вас задавит.

Смеялись городские люди: посмотрим. Разрезали курган с вершины до основания, потом стали искать могилу. Качал головой Алимжан и говорил:

— Стурел, что ли, такой большой гора копать! деньги много надо! совсем стурел...

Разрыли городские люди курган, докопались до могилы и вытащили скелет лошади и человека, много бронзовых и золотых украшений; находка была ценной, и радовались городские люди, пришедшие в степь. Смеялись: «ну, что, задавило, Алимжан?»

— А ты пошто так рыл, не по закону? Рой, как волк нору роет, тогда не задавит. А то больше денег закопал, чем нашел—такой закон нет.

— Деньги нам не важны.

— Алимжан деньги шибко надо, давай деньги, Алимжан песню споеет кто такой был Терентай.

Давали люди города деньги, слушали, кто такой был Терентай.

— О, это был большой человек. Там, в Баян-ауле, где с гор бегут быстрыми серебряными змеями ручейки, научил киргиз из песка добывать золото. Вот кто был Терентай. За это киргизы построили над ним курган. Алимжан знает, где этот курган, но не скажет, потому что не зачем тревожить покой Терентая, пусть спят его кости. Но придут городские люди, разроют могилу Терентая и найдут много золотых вещей. Придется о таких людях песню спеть. Самый старый с очками, взглянул насмешливо через стекла очков и сказал, протягивая деньги.

— На, возьми, Алимжан, вперед оплачиваю твою песню о жадности городских людей.

Взял Алимжан золотой и сказал:

— Не хотел говорить, это и есть курган Терентая, много людей рыло могилу Терентая и разрыть не могли. Хитрые люди дорылись до могилы Терентая, вот в руках золото, а на земле лежат кости богатыря Терентая. Нет Терентая, а золото живет.

И неожиданно громко запел.

— На зубах горы моя юрта, стережет ее зуб кедр.

На закате вчерашнего дня я убил большого гуся...

Брови холодной горы насупились.

Седая сердится Каюн-гора.

На забытых березах плачут беркуты,

Стонет глухая трава.

Через горы идут железные телеги,
Через горы идут ортарбы.
Ветер с Аральского моря летит,
А в Теренгуле—курганов цепь.
Запинается ветер о разрытый курган,
Ветер летит с Балхашского моря...

— Хорошая твоя песня, только о жадности городских людей ты мало сказал.

— О, это дело—большой дело, надо долго думай. Шамана Огюна надо звать, он прокляти городским людям шибко хорошо умеет кричать,—было, говорит, море и опять придет, и все потонете.

— И вы, киргизы, потонете, чему же радоваться?

— Зачем тонул киргиз, придет море—киргиз дальше кочевал.

* * *

А там дальше, чакрымов за пятьдесят ближе к Иртышу, стоит еще неразрытый курган, батыру Ир-тиз. Этот батыр давным-давно с Алтайских гор прорыл ногтем русло для великой реки Иртыш и оросил голодную степь. Только за большие заслуги степной народ рисует в гладкой степи на голубом фоне курган, только за большие заслуги народ украшает скульптурой-курганом гладь степи.

И вот в наше время в этих степях Теренгуля, там, где неуловимо-нежна музыка седого ковыля, седой бороды аксакала степи, по желанию киргизского народа, вырос курган, а рядом большая яма, которая весною выпьет воду со степи Теренгуля и будет озером, вырастет камыш, будут утки вить гнезда и из далекого Египта прилетят на это озеро журавли, ибисы и, может, даже розовые длинношеееи фламинго и не удивятся они, видевшие курганы Египта, каменные горы-пирамиды. А вот старики удивились, зачем на лице степи курган, словно сама степь родила. И веселый невец Алимжан уже песню спел о новом живом кургане Азах, и радовался, когда через много лет придут люди города жадные, разроют курган Азах и не найдут ни могилы, ни золота. И не будут знать, почему гора посреди степей Теренгульских, гладких, как ладонь молодой девушки. В последние восемьдесят лет не было новых курганов в степи. Курган—это мысль, записанная на страницах степи. Помни добрые дела такого-то, помни и не забывай, что народ зорко следит за выдающимися своими и не забывает их заслуг.

Курган—это рисунок истории. По курганам можно знать всю историю степи. Ветер запинаяется о курганы, гуляя по степи, ветру не нужны курганы—это камни под ногами ветра. А людям курганы нужны. Два кургана были сооружены лет восемьдесят тому назад—Кенесары и его помощнику Наваджану за защиту степей от людей городов.

И вот теперь в степях Теренгуля собрались тысячи молодых джигитов с лопатами, кайлами, с чапаготами и строят курган.

Почему, зачем, никто не знал. На сытых иноходцах приезжали в жару в купях, в лисьих малахаях—мех жар до тела не пускает. Приезжали богатые аксакалы с серебряными, как ковыль, бородами, и насмешливо спрашивали:

— Одурели вы, что ли, зачем копаете здесь землю, словно степные кроты. Что случилось, зачем вам гора в степях Теренгуля?

— Настало время, по старому обычаю мы делаем ботакур, по старому обычаю мы делаем курган.

— Кому? Измельчал народ—где богатыри? Прежде хвошь, что растет по берегам озер—крык-буун—был больше, чем сосны долонского бора, а теперь крык-буун маленькая травка, которой играют маленькие дети и им занятно, как издают звуки зубчатые коленца травы крык-буун. Так и люди измельчали. Или, быть может, вы строите курган джигиту Джурабаю за то, что он сражался с отрядами атамана Дутова и Анненкова, но ведь мы видим, что и сам Джурабай копает землю вместе с вами.

— Будет той, и тогда вы узнаете, кому мы строим курган.

Качали головами старики, со злобой ударяли плетью иноходцев и поспешно уезжали, а один старик не вытерпел и ругался скверными словами: «атанаус сегеин».

И не знали старики, кому сооружается курган.

Загадочно смеялись джигиты:

— Скоро узнаете, курган мы строим за великие заслуги. Скоро вы услышите от певца Алимжана о живом кургане Азах.

Вот окончен курган. Чернокоричневая, местами ярко-желтая выросла гора на зеленом ковре Теренгуля, новая запись на странице степи.

Пригнан скот. Праздник той. Много киргиз приехало на праздник с далеких степей Бек-пала, Кокчетава, с Алтайских предгорий, с гор Баян-Аульских, с Чербактов, с Чегана, со всех сторон съехались киргизы на той. И настало время любопытным старикам узнать, почему среди степи выросла гора.

Певец Алимжан сказал:

— Вы все знаете молодого джигита Джурабая, сына Араслана, много сделал он добра киргизскому народу, защищая киргизские аулы от грабителей шайки атамана Дутова и Анненкова... Это он со своими пятьюстами джигитов прошел всю степь от Теренгуля до Тургая и даже до Ферганы. Он защищал степь от разбойников Дутова и Анненкова. И вы все знаете, что богач Арстамбек не хотел отдавать ему свою дочь Гарине. Арстамбек таил злобу за то, что Джурабай защищал бедняков против богачей. А ведь вы знаете, что царь жаловал Арстамбека—у него пять тысяч десятин земли, у него царский перстень, часы, медали из золота и шелковые халаты, и теперь земля не Арстамбека, а ваша, киргиз. Этого не мог простить Арстамбек, и когда Джурабай пришел просить дочь Гарине в жены, с издевательством спросил Арстамбек:

— Ты воевал против богачей, а пришел за женой к богачу. Разве мало вас, джетаков и бедняков? Там ищи жену! А если ты хочешь породниться со мной, пусть мне вернут землю пять тысяч десятин и весь мой скот, который отнял ты, только ты, пусть за твои заслуги вернут, и тогда дочь моя будет твоей женой...

Ах, вы, люди города, вы другие люди, вы не знаете силы любви, какую знают люди степей. Джигит Джурабай был скучнее Джепалана и плакал более тоскливо, чем на озерах плачет выпь. Нет красивее Гарине. Нет смелее, храбрее и настойчивее джигита Джурабая. А тоска была, как у лебедя, потерявшего подругу. Предсмертными песнями плачет тогда лебедь в темных камышах.

И вот пришли в степь вести из далекой Москвы, пришел приказ Ленина: женщина свободна, нет больше унижительного калыма, не покупаются теперь жены. И красавица Гарине стала женой джигита Джурабая.

И сказал Джурабай: где мои джигиты, что боролись в зеленых степях против казаков атамана Дутова, сюда ко мне, мы будем строить курган. Мы, прежде получавшие право на потомство через деньги, теперь можем иметь жен по любви, и за то, что с каждого снято иго десятилетнего труда за жену, мы должны Ленину выстроить курган. Живой курган Азах. Пусть каждый джигит, где бы он ни был—на Алтае, в Фергане, в Бек-палы, в Чегане, в Джальтаве, каждый должен приехать на курган Азах и увеличить его пятидневной работой. Пройдут годы, а курган Азах будет живой, растущий, не курган, а гора—выше гор Баян-Аульских. Да будет это памятником, что жив киргизский народ и почитает тех, кто дает народу лучшую жизнь. Вот все о живом кургане Азах.

Угрюмыми раз'езжались старики, каждый вспомнил, сколько калыму он потерял. А курган Азах все растет и растет каждый день, потому что в необ'ятных степях каждый день джигит находит жену и едет исполнить завет—отработать пять дней, увеличивая курган Азах. Разве не чудо—живорастущая гора? Разве не чудо—увеличивающийся киргизский народ, производящий потомство по любви? Разве не чудо—благодарность народная? Степные люди не имеют книг записывать. В благодарность они на странице степи ставят одну точку, и точка эта—большая гора. Вот какую мерю можно измерить благодарность народа киргизского. А Алимжан поет песню о живом кургане Азах. Ветер с Аральского моря летит туда, где курган Азах. Ты спроси у меня: что за мощный великан здесь построил курган? Я отвечу тогда: Великан тот—киргизский народ. Одну точку поставил он, и точка эта—большая гора.

А. Оленнич-Грановский

А. Оленнич-Грановский